

Европейский шеф-разрушитель

Макрон призывает к сближению с Россией для усиления роли ЕС. А выгоду из этого может извлечь Путин.

Лиана Фикс | 04.02.2020

«Макрон – наш?»

Эта статья также доступна на [немецком языке](#)

Когда Франк-Вальтер Штайнмайер, бывший министр иностранных дел и действующий федеральный президент Германии, попытался однажды описать роль Германии в Европе, он назвал ее «главным фасилитатором». Роль Франции при Макроне, кажется, сводится к тому, чтобы быть «главным европейским разрушителем». Нет ничего удивительного в том, что эти две роли не совпадают. Создается впечатление, что особенно в отношении стран Центральной и Восточной Европы Макрон является той самой пресловутой лисой в курятнике. Список вещей, которые делают его [подозрительным в глазах этих стран](#), достаточно длинный и в основном связан с Россией. Помимо своего резонансного высказывания о «смерти мозга» НАТО, Макрон призвал к сближению с Россией – без какого-либо согласования с Германией и Центральной и Восточной Европой.

Сначала Макрон потребовал пересмотреть отношение к России на [конференции послов](#) в августе 2019 года: по его словам, оттолкнуть Россию было бы серьезной стратегической ошибкой. Затем последовала [французская дорожная карта](#) с акцентом на разоружение, диалог по вопросам безопасности и управление кризисными ситуациями. Этим должен заняться недавно назначенный спецпосланник по активизации отношений с Россией Пьер Вимон. Накануне саммита G7 Эммануэль Макрон встречался с Владимиром Путиным и направил в Москву своих министра Европы и иностранных дел и министра обороны для возобновления двустороннего диалога в формате «2+2». Он также предложил рассмотреть инициативу России по введению моратория на

размещение в Европе ракет средней и меньшей дальности, которую НАТО ставит под сомнение.

Франция ветировала перспективу вступления Северной Македонии и Албании в ЕС – это было воспринято государствами Центральной и Восточной Европы как игра на руку России

И, наконец, что особенно важно, Франция ветировала перспективу вступления Северной Македонии и Албании в ЕС – это было воспринято государствами Центральной и Восточной Европы как игра на руку России. Изменение политического курса Макрона в отношении России также вызвало опасения, что Франция может принудить Украину пойти на уступки во время встречи в Нормандском формате в декабре прошлого года, чтобы устранить препятствия и добиться быстрого разрешения ситуации с Россией. Риторика Макрона также подпитывала это недоверие.

И хотя Макрон настаивает, что он «ни в коем случае не наивен», он частично разделяет тезисы, продвигаемые российскими комментаторами: то, что в 1990-х и 2000-х годах имели место «серии недоразумений», создавшие впечатление о Европе как «троянском коне для Запада, конечной целью которого было уничтожение России». Один российский аналитик даже утверждал, что взгляды Макрона на европейскую безопасность и мировой порядок совпадают с взглядами российского президента, и не преминул провозгласить, что «Макрон – наш».

Впрочем, это довольно поверхностное понимание позиции Макрона. Реальная суть его высказываний сводится к тому, что в условиях изменчивости международной обстановки Европа не может позволить себе какие-либо конфликтные отношения с Россией. С точки зрения Макрона, это может стать помехой для стратегической автономии Европы, и она окажется во власти решений, принимаемых США и Россией.

Макрон убежден, что Европе, дабы остаться значимым игроком в мире, формируемом биполярным американо-китайским противостоянием, необходим «общий фронт» с Россией. В частности, Макрон хочет предложить России стратегическую альтернативу Китаю, поскольку Москве «неизбежно» придется решить, желает ли она оставаться «младшим союзником Китая». Здесь логика Макрона совпадает с традиционными геополитическими взглядами голлистов: в эпоху жесткой конкуренции между США и Китаем Европе приходится полагаться на собственные силы, а это подразумевает налаживание отношений со своим влиятельным соседом – Россией. По мнению Макрона, это особенно актуально в свете того, что Россия из-за «слабости» Запада вновь обрела решающую роль во многих регионах, в то время как российско-китайский альянс идет вразрез с интересами Европы.

На первый взгляд эта геополитическая логика кажется убедительной: если сближение с Россией необходимо ввиду геополитической целесообразности, то есть для того, чтобы в лице России обрести союзника против возрастающей мощи Китая, то почему не смягчить позицию Европы в отношении России? Однако в подобных рассуждениях имеется два важных заблуждения. Во-первых, безоговорочное смягчение европейской позиции не поставит Москву перед выбором между Европой и Китаем, но есть вероятность, что Москва извлечет выгоду в обоих направлениях. Сильно преувеличено предположение, что Европа могла бы вбить клин между Россией и Китаем, предлагая улучшение отношений или снятие санкций. Так уж повелось, что Россия всегда предпочитала двусторонние отношения с отдельными государствами – членами ЕС, а не единый и сильный Евросоюз. Во-вторых, меняющаяся международная обстановка **не привела к переменам в самой России**. Начиная с репрессий внутри страны и заканчивая нарушением международных

норм и вмешательством в дела других государств, российская политика во многих направлениях остается вызовом и не может считаться «меньшим злом» по сравнению с Китаем.

Макрону, если он хочет улучшить сотрудничество с Россией в сфере безопасности, необходимо найти баланс между амбициями и вовлеченностью европейских игроков

Означает ли это, что призыв Макрона к смягчению позиции и диалогу является **ошибочным** и изначально ведет в ложном направлении? Нет, это не так. Это прежде всего зависит от базовых условий. В своем выступлении на конференции послов Макрон описывал вариант «сближения в сочетании с жесткими условиями». Лакмусовой бумажкой для новой российской политики Макрона станет та грань, до которой он готов смягчать существующие красные линии – санкции, Минские соглашения и возврат России в G8. Прогресс в рамках этих барьеров весьма желателен, но, как показал саммит в «нормандском формате», это может оказаться сложнее, чем представляет Макрон.

И тем не менее Макрон прав: Европе следует начинать мыслить более широкими геополитическими категориями. Но снижение европейских предварительных условий для стратегического диалога с Россией несет в себе не взаимную выгоду для Европы и России, а скорее риск двойной победы для России. Европа может утвердиться только за счет сохранения приверженности своим базовым принципам, правилам и ценностям. Отказ от этих принципов ради предполагаемой геополитической целесообразности означает вступление в неизведанное пространство. Этот сценарий может иметь последствия прежде всего для восточноевропейских партнеров. Если движение навстречу России подразумевает согласие с ее претензиями на собственную сферу влияния в Центральной и Восточной Европе, то это создаст опасный прецедент.

В заключение необходимо отметить, что Макрону не стоит повторять ошибок прошлого. Мезебергская инициатива Германии 2010 года является важным уроком: Германия без предварительного согласования заключила двустороннее соглашение с Россией о создании Комитета Россия – ЕС по вопросам внешней политики и безопасности в обмен на участие России в разрешении приднестровского конфликта. Реакция Брюсселя и столиц государств – членов ЕС была, мягко говоря, безразличной. Макрону, если он хочет улучшить сотрудничество с Россией в сфере безопасности, необходимо найти баланс между амбициями и вовлеченностью европейских игроков. В любом случае для достижения цели ему нужна единая Европа, иначе его будут воспринимать как легковеса, и не только в Москве.

Данная статья впервые вышла на сайте [New Eastern Europe](#), ее перевод публикуется с разрешения правообладателя